

Смена тысячелетий и социальные альтернативы.

Абалкин Л.

Рубеж веков, тем более - тысячелетий, позволяет подвести итоги пройденного пути, а также с некоторой надеждой и тревогой подумать о завтрашнем дне человеческого общества в целом, России - в том числе. Разумеется, новые проблемы возникают отнюдь не в новогоднюю ночь. *В XXI веке мы будем решать те проблемы, которые уже сложились и тенденции развития которых достаточно ясно просматриваются.*

Способы и механизмы решения таких проблем, их последствия могут быть весьма различными. Поэтому все, кто пишет о процессах нового века, говорят об альтернативных сценариях. Но разве только будущее альтернативно? Вся прошлая история убедительно показывает, что эволюция человеческого социума пробивалась через многообразие сценариев социальных альтернатив. В силу сочетания сложной и трудноуловимой совокупности причин и следствий общественное развитие реально могло пойти не по тому пути, который фактически оказался осуществленным.

Большинство ученых, пишущих о XXI веке, не только не доживут до его окончания, но вряд ли увидят изменения, выходящие за рамки ближайших двух десятилетий. И тем не менее они предлагают свое видение проблем. Здесь сказываются долг ученого, накопленный им опыт, умение выявить возникающие вопросы и оценить тенденции происходящих перемен. Но не менее важна и другая причина - способность повлиять на выбор более желательных (с позиций каждого исследователя) альтернатив социального развития.

Чем больше объем знаний, накопленных человечеством, а в последнее время он нарастает все стремительнее, тем ощутимее необходимость его критического переосмысления. Мы остро нуждаемся в разработке новой парадигмы обществоведения, в новой философии истории. Это позволит существенно повысить уровень осмысления

не только будущего, но и прошлого.

И дело не просто в "призыве" к поиску новой парадигмы, о чем немало сказано. Составной частью такой разработки является критическая оценка своих собственных знаний, выводов и прогнозов, умение соразмерить их с уроками прошлого и взглядом в завтрашний день.

Истоки добра и зла

Во всем богатстве и разнообразии живой природы человек -единственное в мире биосоциальное существо. Поэтому историю его возникновения и развития, удивительных достижений культуры и искусства, губительных и беспощадных войн, противоречия в современном мире и перспективы развития невозможно отследить, если исключить человека из анализа двойственной, внутренне противоречивой природы его эволюции. Забвение этого фактора означает тупик в познании человеческого общества.

По своей биологической природе человек и сегодня остается таким же зверем, каким он был в момент своего зарождения. Он физически слаб, не защищен от внешнего мира, склонен к агрессии и насилию. В нем буйствуют властные силы завоевания и порабощения. Человек биологически лишен способности к сохранению себя как рода.

Если биологические страсти человека освобождены от социальных ограничений, если в нем разжигается дух уничтожения, то действия его беспощадны. Не вдаваясь глубоко в историю, можно вспомнить гигантское внутрикитайское самоуничтожение, христианско-мусульманские войны, покорение России татаро-монгольской ордой, уничтожение цивилизации майя и ацтеков европейцами (в годы Просвещения!), жесточайшую гражданскую войну в США, уничтожение цивилизованными немцами еврейского населения. Снятие социальных запретов делает и сегодня жизнь россиян жертвой хорошо оплачиваемых киллеров. Происходит подобное и в других странах.

Возникновение человека - и это доказано современной наукой - не могло быть эволюцией приматов. Его появление как биосоциального существа, наделенного способностью к самосознанию, - итог достаточно крупного и до конца не выясненного глобального прорыва в развитии человеческого социума.

История развития человека и становления его как социального существа - это сложный, измеряемый тысячелетиями поиск путей и механизмов закрепления элементов его социализации в форме неписаных и писаных правил, законов, норм, угроз, наказаний. Сюда входит все - от простого табу и религиозных норм до современных систем конституций, законодательных актов гражданского общества и международного права.

Здесь довольно ясно прослеживается идущее еще от религии разграничение сил добра и зла, порядка и беззакония, в котором четко просматривается почти бесконечное разделение агрессивной природы биочеловека и способов его социального упорядочения. Становление современного гражданского общества, если говорить о нем достаточно широко, - это история формирования устойчивых социальных структур со сбалансированной системой интересов, исключающей (или сводящей к минимуму) насилие человека над человеком, проявление его звериной природы. Нарушение баланса в структуре таких групп, как показывает опыт, углубление разницы в доходах богатых и бедных, нарастание этнических конфликтов порождают, будь то Латинская Америка, США или Россия, усиление агрессивных угроз.

Укрепление начал добра в развитии человека, а вместе с ними характер и скорость общественного прогресса опираются на уникальный механизм передачи социальной памяти, присущей человеку. Этот механизм в отличие от передачи памяти в других сферах живой природы (передача памяти и навыков от родителей к детям на генной основе) имеет принципиально иную природу. Передача системы ценностных ориентации, нравственных норм, любви к Родине, сохранение верности идеалам, становление чувства свободы - все это осуществляется через тот или иной тип культуры и вероисповедания. Моисей выводил евреев из египетского рабства по пустыне в течение 40 лет, пока (по его мнению) не умерли все, родившиеся в рабстве. Хотя ему и не удалось решить поставленную задачу - корни биологической природы оказались столь глубокими, что они не могли исчезнуть на протяжении жизни одного поколения.

Образ врага

Несмотря на прогресс человеческого социума, биологический тип человека сегодня остается таким же, каким он был во времена варварства, в годы Просвещения, да и в конце уходящего XX века. В каждом человеке дремлет потенциал агрессии и насилия, способный проявиться тогда, когда рождается образ врага. "Если враг не сдается - его уничтожают". И это не национальная черта, а, к сожалению, всеобщая мировая

тенденция. Свести к минимуму ее последствия можно только на основе культуры в высшем значении этого слова. Во всех перечисленных выше примерах кровавых боен именно образ врага был стимулом к агрессии.

Как известно, сценарий исторического процесса складывается как система вызовов и ответов. Накопившиеся перед обществом проблемы ищут своего решения и находят его в том или ином варианте. С этого момента эволюция меняет свой ход и вместо снятых проблем рождаются новые. Поэтому *ответ на любой исторический вызов отнюдь не означает остановку социальных преобразований: каждая решенная проблема ведет к возникновению новых вызовов, причем часто более существенных и сложных, чем предыдущие.*

Одновременно меняется и образ врага, который характеризуется межнациональными, политическими, экономическими, социальными и религиозными различиями, межконфессиональными и этническими особенностями, клановыми и иными группировками. Он требует жертв и получает их.

XX век начался с ряда военных столкновений и стал свидетелем двух самых кровавых мировых войн. Во имя чего, ради каких идеалов было пролито море крови? Какими социальными, политическими, нравственными или религиозными целями они были оправданы? На эту тему публикаций много, но ответа на главный вопрос - о мотивах взаимоистребления людей - пока нет. Уничтожение же людей происходило лишь потому, что они были (по тем или иным, причем самым разнообразным причинам) врагами.

После залечивания ран первой мировой войны, постепенного подавления колониальных восстаний, в ходе гражданской войны и в годы Великой депрессии 30-х годов появился новый и страшный враг - германский нацизм, претендовавший на мировое господство и начавший уничтожение евреев. *Европа могла, но из за бессилия и трусости ее лидеров не остановила начало второй мировой войны.*

А не будь ее, развитие человечества могло бы пойти совсем по другому пути. Но такая альтернатива, как это нередко бывает в истории, оказалась упущенной.

Однако до сих пор нет ответа на главный вопрос: когда и при каких условиях, казалось бы, высочайшая наука и культура отступают на задний план, а звериный облик биологической природы человека начинает уничтожать себе подобных?

Борьба с германским нацизмом и расовым господством объединила широкие общественные силы. Велась она тяжело, с колоссальными потерями и закончилась

победой. Однако поверженный враг почти сразу породил нового. Еще не были залечены раны войны, а Черчилль в своей известной фултоновской речи объявил о начале борьбы с новым врагом в лице Советского Союза.

В разжигании холодной войны и в ее перипетиях в равной степени виноваты обе системы, прежде всего США и Советский Союз. Мы по привычке любим винить во всем себя. Но почему-то из памяти выпало, что в США было подготовлено несколько планов уничтожения нашей страны. Забыты карты, обозначающие размещение баз стратегических бомбардировщиков по всей границе Советского Союза. И если для кого-то мы - враг, то он для нас - тоже.

Можно легко объяснить, почему борьбу против России возглавили США - наиболее могущественная держава Запада, серьезно укрепившая свои мировые позиции. Однако у этого явления есть и более глубокие корни, восходящие к своеобразию геополитического мышления американцев, претендующих не просто на лидерство, а на статус глобальной сверхдержавы. В своих мемуарах "Россия на историческом повороте" А.Ф. Керенский рассказывает об американских комментариях к Версальскому договору, в которых признавались правительства финнов, эстонцев, литовцев и украинцев. Кавказ предполагался сферой влияния Турецкой империи, предусматривалось предоставление той или иной державе мандата на управление Средней Азией и создание отдельных правительств для Великой России и Сибири.

Сегодня (с учетом исторических модификаций) этот "план" уже выполнен. Остается лишь дальнейшее расчленение России на три самостоятельных государства, описанное Збигневом Бжежинским.

Развал Советского Союза был встречен в мире как полная и окончательная победа Запада над Востоком, капитализма над социализмом. Разрушение нашего государства стало гигантской трагедией для него и для населяющих его народов. Однако лишь немногие понимают, что произошло колоссальное изменение структуры мирового сообщества с его хрупким, но устойчивым балансом сил, системой сдержек и противовесов. Под угрозой оказался контроль за распространением ядерного оружия. К пятерке ведущих стран, располагающих им, уже добавились (пока) Индия и Пакистан. Словом, не только Россия потеряла, но и устоявшийся мировой порядок оказался серьезно разрушенным.

Враг не исчез, он лишь изменил свой облик. В вышедшей в 1996 г. книге Сэмюэла Хантингтона "Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка" обрисован новый тип врага - столкновение христианства и ислама. Их отношения взаимно враждебны. Каждый видит в противнике своего врага. "Конфликт XX века между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом, - пишет Хантингтон, - представляет собой не более чем мимолетный и противоестественный исторический феномен по сравнению с постоянными антагонистическими отношениями между исламом и христианством".

Вопрос о возможности столкновения цивилизаций и его последствиях, возникший сегодня, получит свой ответ опять лишь в XXI веке. Однако уже ясно, что в принципе он не может быть решен силой. Не может он решаться и путем навязывания одной цивилизацией своих ценностей другой. Путь к выходу из нарастающей угрозы в другом - в признании равноценности и самодостаточности различных цивилизаций, в отказе от их деления на высшие и низшие, в готовности уважать и признавать чужие права.

Все это и требует уже упомянутого кардинального изменения парадигмы общественного мышления, а вместе с ней и революционного обновления культуры человеческих отношений. И только на такой основе, если говорить предельно честно, может сложиться новый мировой порядок. Без этого он окажется прекрасной, но всего лишь мечтой, для осуществления которой потребуются новые жертвы.

Смена эпох

Отличительной особенностью XX столетия является то, что оно стало одной из крупнейших вех в смене типов социально-экономического развития. Это был век, ознаменовавший высшую ступень индустриального этапа со всеми его выдающимися достижениями и неизбежными потерями. Сталь, нефть и электроэнергия стали надежными факторами мощи держав и континентов. Продукты промышленной переработки и организация их массового производства - корабли, автомобили, нефтепроводы, поток товаров массового спроса (жилье, телевизоры, одежда, продукты питания) - наполнили растущий рынок.

С началом научно-технической революции было создано не только ядерное оружие, но и мощнейшие реакторы по производству электроэнергии, корабли с атомными двигателями, началось освоение космоса. Как известно, первый запуск советского

космического спутника, полет Юрия Гагарина вызвали резкую критику правительства США со стороны американских ученых и политических деятелей. Ответом на вызов явилось мощное развитие науки и техники, полет космонавтов на Луну, прорыв к новым технологиям.

К сожалению, Советский Союз не сделал необходимых выводов. Сложившаяся система хозяйствования застыла и начала шаг за шагом уступать свои лидирующие позиции. Во время застоя были упущены компьютерная революция, политика ресурсосбережения, охватившая почти весь мир "зеленая революция".

Последствия индустриальной эпохи резко осложнили экологическую ситуацию в мире, привели к истощению многих ресурсов, массовой вырубке лесов, озера и реки оказались отстойниками для промышленного мусора. Лидеры Римского клуба поставили проблему ограничения роста производства, перехода к его качественно новому типу *Родилась концепция экономического роста, провозглашенная в 1992 г. на конференции в Рио-де-Жанейро.*

Хотя она, к сожалению, весьма далека от практической реализации.

Постепенно начался переход к качественно новому этапу социально-экономического развития, который получил различные названия, но в принципе может быть обозначен понятием "постиндустриальная эпоха". Этой теме посвящено огромное количество работ как западных, так и российских ученых. Системный анализ изданных за рубежом работ и перевод многих из них, ранее не публиковавшихся в России, даны в антологии "Новая постиндустриальная волна на Западе", выпущенной в 1999 г. под редакцией В.Л. Иноземцева.

Ответ на вопросы нового этапа социально-экономических преобразований (а он не только вызов, но и требует ответа на него) призван дать XXI век так же, как и на вопрос о начавшемся процессе глобализации мирового сообщества, о чем пойдет речь ниже.

В XX век человечество вступило с устоявшейся практикой применения золотого стандарта, который обслуживал движение товаров в мировой торговле и обмен валюты. По мере формирования и дальнейшего развития мирового рынка стала складываться единая валютно-финансовая система. Она не ликвидировала цикличность общественного воспроизводства, но поддерживала его устойчивость.

Вторая мировая война с ее колоссальными разрушениями подорвала практику золотого стандарта. В соответствии с Бреттонвудскими соглашениями в 1944 г. функции по обеспечению устойчивости валютно-финансовой системы перешли к доллару, обмениваемому (по определенным правилам) на золото. Однако с учетом изменения сил на мировой арене, перемещением золотых запасов в другие страны возникла новая Ямайская валютно-финансовая система (1976 г.). В ее рамках используются специальные права заимствования (Special Drawing Rights - SDR), привязанные к доллару, но уже не размениваемые на него. Все попытки вытеснить доллар, ввести "плавающий" курс, основанный на совместном использовании немецкой марки, иены или евро, не были реализованы на практике.

Однако изменение правил "игры" в валютно-финансовой сфере, а именно это произошло после Ямайских соглашений, существенно обострило противоречия в данной сфере. Началось нарастающее отделение движения финансовых потоков от развития реального сектора экономики. Последующие финансовые кризисы, связанные с массовым бегством капитала, отделившегося от процесса воспроизводства, лишь подтвердили этот вызов. *Появился капитал, способный сам по себе, вне обслуживания движения товаров, услуг и информации, делать деньги.*

Нарастание своеобразного "мыльного пузыря", выполняющего такую роль, начало вызывать все больше опасений у политических деятелей и специалистов. По оценке Дж. Сороса, "международная финансовая система сама стала главным фактором кризисного процесса", а отнюдь не результатом действия других разрушительных сил.

И вновь на вопрос, возникший в XX веке, ответ может быть получен уже в новом столетии. Именно оно покажет, насколько реальны и опасны финансовые кризисы мировой экономики, а также, что и как надо сделать (опять-таки в масштабе мирового сообщества), чтобы избежать грозящей катастрофы.

Есть еще одно фундаментальное изменение в экономике XX века, которое пока серьезно не осмыслено. Задолго до начала уходящего века начались и до сих пор по инерции продолжаются споры об абсолютных преимуществах частной или общественной собственности. И мало кто заметил, что *история в своем развитии сняла этот вопрос, а тем самым и исходный пункт членения общества на формации по признаку определяющей роли одной из форм собственности.*

Во всех странах или, по крайней мере, в большинстве из них сложилась многоукладная экономика. Наиболее крупными собственниками сегодня являются пенсионные и страховые компании, которые не попадают ни в одну из названных форм собственности. В США наиболее эффективными (в соответствующих секторах) оказываются компании, основанные на владении трудовым коллективом акциями данной компании (система ESOP). Смыты различия между общим и частным капиталом в крупнейших транснациональных корпорациях.

Развиваются муниципальные и кооперативные организации. Сложно переплетаются государственные предприятия по заготовке сырья и тысячи мелких, часто семейных производителей конечной продукции. Государство непосредственно или через арендные отношения регулирует сферу инфраструктуры. В бюджете ведущих стран аккумулируется до половины производимого валового внутреннего продукта.

Примеры подобного рода можно приводить бесконечно. Главное же в том, что двигателем прогресса, мощным ускорителем развития производительных сил и повышения их эффективности являются не сами по себе формы собственности, а экономический, или хозяйственный механизм. Именно он развивает свободу, дает стимулы к предприимчивости, рождает риски.

Этот вопрос, от которого зависит успех в XXI столетии, требует особого рассмотрения.

«"Да" — рыночной экономике, "нет" — рыночному обществу»

Эти слова принадлежат председателю правительства Франции Л. Жоспэну как ответ на Манифест Блэра-Шрёдера. Они связаны с решением ключевого вопроса экономической теории - поиска условий для эффективного хозяйствования.

В ходе многовекового развития, различного рода его зигзагов стало ясно, что наиболее надежным для экономического роста является рыночный механизм. Его открытие, широкое внедрение и постоянное совершенствование - одно из главных достижений экономического роста.

Основы рынка формируются в процессе общественного разделения труда, когда обмен и распределение опосредуют связь между производством и потреблением. Именно рыночный механизм, становясь все более сложным и разветвленным, влияет как на производство, так и на потребление, устанавливает столь необходимую для их успешного развития обратную связь.

Сложившийся в основных чертах рыночный механизм уходит в глубокую древность: рынок европейских стран, восточный базар, "Великий шелковый путь" и даже "путь из варяг в греки" хорошо известны. При этом сам *рынок и его механизм обслуживали различные формы собственности*. Однако единое, собирательное понятие, обозначающее все элементы рыночного механизма, столь важного для экономической теории в целом, в том числе для институционализма, так и не сложилось. В современной литературе его отодвинули как бы на задний план, все сведя к уже решенному историей вопросу о собственности.

В своем известном обращении ведущие российские и американские экономисты, в том числе ряд нобелевских лауреатов по экономике (1996 г.), писали: "Государство должно признать, что *если и существует "секрет" рыночной экономики, то он состоит не в частной собственности, а в конкуренции*". И, следовательно, на федеральном и на местном уровнях оно должно способствовать созданию новых конкурирующих предприятий. Такие предприятия могли бы выступать в качестве авангарда рыночной экономики и стимулировать новые инициативы в деле инвестиций, производства, занятости. Новым предприятиям при этом необходимо постепенно отходить от структур и методов прошлого - больших размеров, предельной вертикальной интеграции, использования устаревшей технологии, консерватизма, некомпетентности в управлении... Государство должно признать, что конкуренция - это то, что заставляет рыночную экономику работать и, наоборот, без конкуренции не может быть рыночной экономики".

О том, что конкуренция даже в условиях государственной собственности дает возможность совершить прорыв в будущее, свидетельствует масса примеров в разных странах. Так, хорошо известен выдающийся успех советского самолетостроения. Созданные и жестко конкурирующие в рамках государственного сектора фирмы "Як", "Ил", "МиГ" совершили беспрецедентный рывок в развитии современной высокотехнологичной авиации.

Влияние рыночного механизма на подъем экономики привело к его исключительно расширительной трактовке, получившей название "рыночный фундаментализм". *Речь идет о попытках распространения его регуляторов на сферы, не поддающиеся рыночному воздействию, - охрана окружающей среды, фундаментальная наука, культура в высших ее проявлениях, национальные заповедники, а также сфера прав человека и нравственности.*

В результате рынок с его методами, трактуемый чрезвычайно расширительно, применительно не только к экономике, но и ко всей сфере общественной жизни, обрел статус "социальной алхимии". То, что рынок и его механизм характеризуют лишь способ организации его экономических отношений, а отнюдь не тип общества во всем богатстве форм жизнедеятельности людей, достаточно очевидно.

Многие духовные и социальные проблемы, решенные за последние полвека в Европе, явились общим достоянием нации и сменили своих сторонников. Стало ясно, что демонтаж государственного регулирования углубит поляризацию социальной структуры общества, нанесет ущерб позициям среднего слоя как опоры утвердившихся демократических институтов, ослабит обеспеченность положения наиболее уязвимых групп населения, подорвет гарантии равного доступа к общественным услугам (образование, здравоохранение). На понимании ценности именно данных факторов основан и демократизм европейцев применительно к различным формам собственности. Все это и входит в понятие социально ориентированной экономики с широким использованием институтов гражданского общества и социального партнерства.

В современных условиях регулирующая роль в развитии общества отводится не только рыночному механизму, но и более широкой системе воздействий. Здесь сказываются участие государства с более или менее развитой системой регулирования, включая прогнозирование экономики, определение приоритетов в научно-технической политике и образовании, влияние Центрального банка, проведение жесткой антимонопольной политики. Антимонопольные меры - классический пример государственного вмешательства в экономику во имя сохранения могучей движущей силы конкуренции. Сюда же относятся и протекционистские меры, на определенном этапе необходимые для развития конкуренции на внутреннем рынке и его защиты от внешнего давления. Все это обеспечивает условия для дальнейшего включения страны в мировой рынок.

В сфере регулирования экономических и социальных процессов активно действуют различные структуры гражданского общества: союзы предпринимателей, общества по защите прав потребителей, профессиональные союзы. Сложное и порой противоречивое воздействие оказывают транснациональные корпорации.

Современный взгляд на многообразие методов регулирования основан на ином, чем это было принято в классической и неоклассической политической экономии, подходе. Хорошо известный у нас в стране Фрэнсис Фукуяма в 1995 г. выпустил книгу "Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния". Он отмечает в ней, что "естественные нужды и потребности немногочисленны, и удовлетворить их довольно легко, особенно в условиях современного индустриального хозяйства. Наша трудовая мотивация и стремление к зарабатыванию денег гораздо более тесно связаны с признанием, которое приносит нам такая деятельность, а деньги становятся символом не материальных благ, а социального статуса и признания".

Такой подход, получающий сегодня широкую поддержку, требует качественно иных методов стимулирования трудовой мотивации, поощрения заслуг и оценки общественного положения работника, инженера и менеджера.

Именно законы, нормы, правила поведения, процентная и налоговая политика, коллективные договоры, межправительственные и иные соглашения образуют содержание экономического, или хозяйственного механизма в широком смысле слова. Все они органически взаимодействуют между собой, в том числе и с механизмом рыночного регулирования экономики.

Рассмотрение в целом совокупности относящихся к этой теме проблем представляет одну из приоритетных задач науки в XXI веке.

"Кто будет выращивать кофе?"

Громадные изменения в размещении мирового производства, произошедшие в конце XX века, связаны с гигантским перемещением производства как традиционных, так и новых товаров во многие развивающиеся страны. Речь идет не только о металлургии, судостроении, производстве автомобилей и разнообразной электроники, о складировании опасных отходов. В этих странах добывается основная масса энергоресурсов, вырубается тропические леса, расширяются посевы хлопка, выращиваются виноград, кофе и чай, добываются морепродукты.

Социально-экономическая модель постиндустриального общества большинством

исследователей трактуется не как глобальный, общемировой процесс, а как замкнутая структура "золотого миллиарда". *Глобальная постиндустриальная модель, как хорошо доказано профессионалами, т может (по экономическим, экологическим, нравственным и иным аспектам) приобрести всеобщий характер.*

Как же быть в таком случае? Человечество не может жить и успешно развиваться (если мы говорим о его подъеме, а не о разложении) не только без металла, судов и автомобилей, но и без того, чтобы растущее население планеты устойчиво снабжалось разнообразными морепродуктами, без того, чтобы каждая семья имела в достатке кофе, чай и молоко. А это значит, что индустриальный век (а может быть, и аграрный?) не уходит в прошлое. Он должен проявить новые силы для своего подъема и процветания. *Глобализация (при всех вызываемых ею изменениях) остается лишь определяющей, но не всеобщей характеристикой многоукладной мировой экономики.*

Ведь мы прогнозируем XXI век не только для элитного "золотого миллиарда", а для всей планеты. Вот почему мы сфокусировали все относящиеся сюда проблемы в простом и собирательном вопросе: "Кто будет выращивать кофе?"

Постиндустриальное общество предполагает, если говорить образно, свое "подбрюшье" в лице массового и постоянно совершенствующегося индустриального ядра. Взаимоотношение этих частей остается одной из главных основ нового мирового порядка, который -раньше или позже - сложится в XXI веке. Но его становление и утверждение не могут произойти самотеком без серьезных, долговременных усилий, опирающихся на четкую методологию.

Альберт Гор в своей книге "Земля на чаше весов" пишет: "Когда слаборазвитая страна отдает под вырубку миллион акров тропических лесов в год, деньги, вырученные от продажи древесины, засчитываются как часть годового дохода данной страны. Амортизация бензопил и трейлеров в течение года заносится в расходную часть бухгалтерской книги, а ущерб, нанесенный тропическому лесу, - нет. Нигде в расчетах ВВП данной страны не будет строчки, которая отражала бы суровую реальность: потерю миллионов акров тропического леса. Разве это не тревожно, если не сказать абсурдно?"

К ресурсам, которые будут на протяжении большей части XXI века определять экономическую динамику, относятся значительные, но с каждым годом истощающиеся

запасы энергоресурсов - газа, нефти и угля. К сожалению, в сложившейся практике учета общественного богатства они - в отличие от человеческого и воспроизводственного капитала - фактически не учитываются. По данным ученых Института экономики РАН, наличные и потенциальные энергоресурсы не учитываются в объеме национального богатства страны. Поэтому Россия, занимая седьмое место в мире по численности населения, четвертое - по числу занятых, первое - по добыче газа, третье - по добыче нефти, четвертое - по выработке электроэнергии, пятое - по производству стали, удобрений и хлопчатобумажных тканей, седьмое - по производству целлюлозы, зерна и животного масла и даже одиннадцатое - по выпуску автомобилей, оказывается во втором десятке стран по объему ВВП. Двойные стандарты, к которым мы уже привыкли, здесь очевидны.

В то же время наращивание экспорта энергоресурсов рассматривается как долгосрочная цель развития страны. *Закладываются проекты, которые фактически лишают Россию крупнейшего неточны ка национального богатства, ориентируют ее на положение сырьевого придатка, лишают сколько-нибудь серьезного шанса в обсуждении коренных вопросов XXI века.*

У российских ученых есть достаточный потенциал предложений по изменению структуры производства и экспорта нашей страны, по наращиванию ее вклада в современные постиндустриальные сферы. Здесь многое зависит не только от соотношения сил в мире, но и от последовательности, мудрости тех, кому страна доверила свой завтрашний день.

Глобализация: вызов и ответ

Те, кто пишет о крупнейших изменениях в мире в предстоящем столетии, практически в каждом материале затрагивают противоречивые последствия глобализации. Она ведет к завершению продолжающегося веками процесса интернационализации экономической, политической, социальной и духовной жизни, придает во многом новый облик планетарному устройству общества.

Сегодня - это один из серьезнейших вызовов, с которым столкнулось человечество. Отмахнуться от возникающих здесь проблем невозможно. Но, как известно из классической теории, *беда не в самой глобализации, а в политических и экономических механизмах ее регулирования.* Человечество не бессильно перед

угрозами глобализации, оно в состоянии - в планетарном масштабе - наиболее разумно и успешно направить ее ход. Потенциально глобализация позволяет резко повысить эффективность производства, ослабить экологические последствия роста, более равномерно распределять богатство между богатыми и бедными.

С ростом глобализации мощь транснациональных корпораций и других аналогичных структур будет нарастать. Один из крупнейших российских специалистов по Западной Европе Ю. Рубинский пишет: "Национальный суверенитет для подавляющего большинства европейцев был и остается единственным источником легитимности любой публичной власти, независимо от ее формы и природы (монархической или республиканской, демократической или авторитарной). Никакая международная структура такой легитимностью не обладает, что жестко лимитирует эффективность принятия политических решений. Несмотря на то, что европейские границы становятся все более прозрачными, особенно в "шенгенском пространстве", любая их ревизия по-прежнему чревата взрывоопасными последствиями. Да и иммиграционная политика большинства стран Европы, скорее, ужесточается, чем либерализуется".

Аналогичные процессы развиваются и в других странах мира. Здесь действуют как набирающие силу общественные движения, защищающие интересы ныне отставших стран, так и социокультур-ные факторы. На состоявшейся в Москве в мае 2000 г. конференции Римского клуба член Исполнительного его комитета принц Иордании Аль Хассан бин Талал отмечал: "Чем быстрее мы будем двигаться в сторону универсализации, тем сильнее проявятся культурные различия. Поэтому нельзя говорить о глобализации как ведущей тенденции мира и одновременно забывать культурные, религиозные и исторические ценности, унаследованные от прошлого. Учет национальных особенностей той или иной страны - традиционный подход, и он будет оставаться в инструментарии ученых до тех пор, пока будут существовать различия не только для мира, но и для отдельного человека".

Проблемы в этой области будут постоянно возникать, решаться и порождать новые. Но таков путь к ответу на крупнейшие исторические вызовы. Тут могут быть угрозы, политическое давление, даже военные конфликты. Но ответ в конечном счете может быть найден на планетарном уровне.

Мощной силой, вторгающейся в процесс глобализации и в поиск способов разрешения возникающих в данной области проблем, становится современная и универсальная система массовой информации. Контролируемая практически теми, кто вкладывает в нее средства, она может весьма радикально воздействовать как на глобальное решение

проблем, так и на позицию отдельных стран, регионов и континентов, на принятие ими политических и экономических решений.

Сегодня много пишут о "грязных технологиях", используемых средствами массовой информации в избирательных кампаниях, в стравливании народов, в утверждении двойных стандартов. Однако пока это, скорее всего, "цветочки", а "ягодки" еще впереди. Поэтому *поиск единого мирового информационного пространства, организация демократического и всеобщего контроля над ним - одна из самых сложных и, пожалуй, самых трудных для решения задач XXI века.*

Хорошо скоординированная и высокооплачиваемая информационная политика является серьезной угрозой нового времени. Попытка использовать рычаги информационного давления для того, чтобы управлять миром, чревата опасностью превратить человеческий социум в управляемую толпу, послушно выполняющую волю как бы обезличенной интеллектуальной элиты.

Супердержава или многополюсный мир

Как уже было отмечено выше, проблемы, встающие с наступлением нового тысячелетия, возникли задолго до его начала. Сегодня мир имеет перед своими глазами страну - Соединенные Штаты Америки, которая по уникальной экономической, военной и информационной мощи четко заявила свои позиции на статус единственной супердержавы. И не просто заявила, но и пытается утвердить подобный статус. И дело здесь не только в нравственных оценках и геополитических устремлениях. Американцы лишь реализуют тот генетический код, который долгое время закладывался и стал отличительной чертой цивилизационных установок этой страны: "Мы - самые лучшие и самые передовые, мы - образец для всеобщего и безоговорочного подражания". И это не только психология лидеров, но и массовое восприятие граждан великой страны. Не будь этого - все было бы намного проще.

Один из крупнейших специалистов по цивилизациям А. Тойнби отмечал, что "тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и неразрывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического горизонта".

Особенно отчетливо эти настроения усилились после распада Советского Союза и в ходе политики, проводимой ельцинским окружением в международных отношениях и в разрушении собственной экономики. Эти явления были восприняты и истолкованы почти без всяких колебаний как односторонняя силовая победа Запада. Логика выстраивалась по весьма примитивной схеме, а любые противоречия, якобы искажающие анализ, были просто отброшены.

США победили СССР. Вслед за ним и весь Запад пошел на молчаливое воспроизведение предложенных ему оценок: те, кто пока отстал, станут со временем на тот же путь; передовая страна показывает другим завтрашний день их развития; все, что мешает такому пути, будет отброшено или переделано.

Когда знакомишься с подобными рассуждениями, то узнаешь в них хорошо известные формулы из того, что называлось... экономическим детерминизмом К. Маркса. Они были озвучены одним из героев Е. Евтушенко - инженером-гидростроителем Карцевым в "Братской ГЭС":

И снились мне индусы на тачанках

И перуанцы в шлемах и кожанках:

Восставшие Берлин, Париж и Рим:

Весь шар земной, Россией пробужденный.

И скачущий по Африке Буденный,

И я, конечно, - скачущий за ним.

Мы давно ушли от этой красивой, романтической, но лишенной силы идеи. Но копия ее жива и сегодня выступает в форме американской "вестернизации". Скорее всего, подобный путь, губительный для человеческого социума, будет настойчиво "пробиваться" в первые два десятилетия нового тысячелетия.

Однако с учетом развернувшегося и нарастающего движения к построению многоярусного мира с наличием нескольких взаимодополняющих центров такой путь имеет мало шансов на успех. Но чем ожесточеннее и последовательнее США будут "продавливать" свой вариант мироустройства, тем тяжелее будет им самим.

Переход к многополярному устройству мира требует качественно нового взгляда на мир. Речь идет об отказе от деления цивилизаций на высшие и низшие, передовые и отсталые, о признании самодостаточности каждой из них со своим типом культуры, своей системой ценностей, нравственных идеалов, пониманием личного и семейного счастья.

Можно, конечно, возразить, что они не признают ценностей других из-за своей отсталости и даже обозначать это как форму самой отсталости. Но почему они не могут трактовать данный вопрос прямо противоположно? В столкновении разных цивилизаций (христианства и ислама) пока никто не преуспел в том, чтобы навязать свои идеалы другому. *Ислам нельзя победить, навязав ему другую систему ценностей. Его можно или уничтожить, или дать ему возможность жить по своим правилам, предоставляя противникам собственный выбор культуры и ценностей.*

Разумеется, не менее глубокий, радикальный прорыв должен быть сделан и исламом в выработке им нового взгляда на отношения с другими цивилизациями. Это потребует огромных усилий, переосмысления исламским миром своего наследия. Однако только на базе единой общечеловеческой культуры можно свести к минимуму присутствие зла в межчеловеческих отношениях и утвердить единый планетарный миропорядок. И путь к нему лежит через высшие проявления человека - его культуру и знание. Все остальное, хотя это и не просто, приложится.

У формирующейся многополярной структуры пока еще нет четких границ. Она может иметь как первичные, базовые элементы, так и свои подсистемы. Сюда могут войти США, включая в той или иной мере другие американские страны, Европа в узком или широком понимании, включая "Большую Европу", Китай и Япония с различной конфигурацией их

сфер, набирающая силу Индия, исламский мир, а также другие регионы. Россия со многими традиционно связанными с ней странами может либо оказаться в рамках "Большой Европы", либо сформировать при определенных условиях свой относительно самостоятельный центр многополюсного мира. Есть и другие варианты расклада сил в новом мировом порядке.

Будущее нового планетарного порядка отнюдь не безальтернативно. Многое зависит от попыток использовать благоприятные шансы, умерить агрессивные устремления, защитить общество от влияния весьма опасных технологических и информационных факторов, от усиления угроз окружающей среде.

Растущая ответственность, даже несоизмеримая с прошлым, лежит на руководителях государств, международных организаций, деятелях культуры, способных вырваться из тесных рамок национального эгоизма и предложить приемлемые планетарные решения. Только своевременное и согласованное действие огромного числа сил, что само по себе достаточно сложно, в состоянии открыть дорогу оптимистическому сценарию. Вся остальные варианты будут существенно хуже, а в ряде случаев - и трагичны.